

Яков Шехтер

Черный ластик

На улицах Будапешта царила весна. Сквозной ветерок шевелил молодую листву платанов вдоль проспекта Андраши. Свет и счастье бродили по площадям и паркам венгерской столицы. Но в квартире меламеда Берче Фогеля царила полутьма. Плотные шторы уже несколько месяцев прикрывали окна. Никто не должен был знать, что происходит в доме.

Ребе Аарон Рокеах из Белз чудесным, необъяснимым образом сумел перебраться в Будапешт из Перемышлянского гетто. Он поселился у Берче-меламеда и восемь месяцев практически не выходил из дома. Но гестапо все-таки прознало, что Белзский цадик скрывается в Будапеште. Венгерское правительство получило категорическое требование из Берлина выдать ребе.

Режим Хорти трещал по швам, однако адмирал отчаянно пытался изображать независимость. Благодаря этому хасидам удалось за огромные деньги купить для ребе Аарона и его двоюродного брата Мордехая визу в Швейцарию.

Поезд отходил ночью, а утром ребе попросил Берче собрать всю его семью в одной комнате.

– Я хочу благословить твоих детей, жену и родителей и поблагодарить за гостеприимство, – сказал ребе Аарон.

Они выстроились у стены, престарелые отец и мать, Берче с женой и шестеро детей. Цадик мерил шагами комнату и молчал. То и дело он останавливался, оглядывал семейство Фогель, отворачивался и снова принимался ходить от окна к двери. Не-высокий, щуплый, порывистый в движениях, больше похожий на юношу, почти мальчика. Лишь седая борода и изборожденное

морщинами лицо свидетельствовали о преклонном возрасте и перенесенных страданиях.

Сердце Берче замерло. Большая беда надвигалась на евреев Венгрии. Она висела в воздухе, как туман, не давая спать по ночам, расстраивая дневные мысли. Но выхода не существовало, любая возможность спастись была давно перекрыта. Благословение ребе-чудотворца могло оказаться последней ниточкой, связывающей их с жизнью. И вот ребе молчал, а это значило, что впереди только тьма.

Ребе Аарон опустил голову, набычился, словно преодолевая препятствие. Затем отодвинул штору и выглянул на улицу. Цветущий каштан перед домом выбросил желтые свечи; бабочки, похожие на ожившие цветы, порхали среди листвы. Цадик тяжело вздохнул и задвинул штору. Вместе с ним вздохнул и Берче-меламед.

Ребе подошел к семейству Фогель, еще раз тяжело вздохнул и вдруг произнес:

– Благословляю вас всех, да, всех до одного, на скорое восхождение на Святую землю. Пусть Эрец Исраэль принесет вам радость и умиротворение.

В комнате воцарилась тишина. Слова ребе казались оторванными от реальности, лишенными малейшей практической основы. Но если цадик говорит, он знает, что говорит.

– Вот еще что, Берче, – добавил ребе Аарон. – Мои хасиды изрядно перепачкали твою мебель, обтерли стены, разбили немало посуды. Я хочу возместить убыток.

Берче от изумления даже руками замахал:

– Что вы, ребе?! Какой еще убыток?! Мы были счастливы жить вместе с вами под одной крышей. Это стоит любых денег.

Ребе Аарон не ответил. Он замер, будто прислушиваясь, а потом сказал:

– Ладно, тогда я останусь твоим должником. Вернемся к этому разговору на Святой земле.

Прошло несколько недель. Проходя по улице мимо приземистого здания центрального юденрата, Берче заметил очередь. В ней стояли хорошо одетые люди, многие с сумками или с небольшими чемоданами в руках. Узнав в очереди знакомого дантиста, Берче подошел к нему.

- Что происходит?

- Чудо, – негромко произнес дантист. – Просто чудо и больше ничего. Кастнер, член правления юденрата, договорился с гестапо о выдаче виз в Швейцарию, а оттуда в Турцию и Палестину. Две с половиной тысячи долларов за визу. Платишь – и уезжаешь.

- А чемоданы для чего? – спросил Берче.

- Для денег, – ответил дантист. – Кто может, расплачивается золотом или драгоценностями. Кто не может – долларами или фунтами. Но только ими, венгерские пенге не принимают.

- Плохи, видно, дела у гестапо, если они нуждаются в еврейских долларах, – заметил Берче.

- Какая мне разница, – устало бросил дантист. – Лишь бы вырваться из этого ужаса.

Берче отошел в сторону. Месячное жалованье меламеда не достигало десятой части стоимости одной визы. А двадцать пять тысяч долларов за десять были просто астрономической суммой.

И тут он вспомнил о благословении ребе Аарона. Может быть, вот так и сбудутся его слова о скором восхождении на Святую землю? В конце концов, почему не попробовать, чем он рискует?

Берче занял очередь. Она продвигалась медленно, но ведь все-таки на свете приходит конец, и хорошему, и плохому, надо только набраться терпения. В гулком вестибюле с полом из шахматно уложенных черных и белых плит очередь распадалась на три рукава, в три коридора. Берче стал в ближайший рукав и принялся потихоньку продвигаться к высокой двери, за которую один за другим ныряли смятые тревогой евреи, а выходили спокойные люди, обладатели права на спасение.

Вдруг прямо напротив него с другой стороны коридора открылась запертая дверь, и возникшая на пороге чиновница сказала:

- Кто за визами, можете сюда.

Берче сделал всего три шага и оказался рядом.

- Проходите, – чиновница, повернувшись и пошла внутрь комнаты, а Берче, осторожно прикрыв дверь, последовал за ней.

Усевшись за стол, на котором двумя аккуратными стопками были сложены картонные папки, чиновница холодно произнесла:

- Предъявите документы.

В то лихое время выйти на улицу без документов означало пропасть при первой же облаве или проверке, поэтому Берче немедленно вытащил удостоверение личности и положил на стол перед чиновницей. Пока та внимательно изучала документ, Берчи успел хорошенько ее рассмотреть.

Было ей лет тридцать. Миловидное лицо, осыпанное мелкими веснушками, рыжие волосы, еще по-девичьи припухлые свежие губы, короткая деловая стрижка и строгий костюм, более подобающий учительнице, чем секретарше.

– Итак, господин Фогель, вы просите о выездной визе для себя?

– Да, – ответил Берче. И замер.

Следующим должен был последовать вопрос о деньгах, но чиновница вместо этого спросила:

– Ваша семья останется в Будапеште?

– Нет, она поедет со мной.

– Заполните бланк, – она протянула ему лист бумаги. – Укажите точно имена и фамилии тех, для кого вы просите визу. Постарайтесь не ошибиться, в случае несовпадения данных визы и удостоверения личности виза будет аннулирована при посадке в поезд.

Берче взял бланк, обмакнул перо в чернильницу и стал писать.

«Зачем, зачем ты все это делаешь? – стучала в висок назойливая мысль. – Сейчас она увидит список из десяти имен и попросит заплатить 25 тысяч долларов. И что ты ей скажешь? Что забыл деньги дома?»

Закончив писать, Берчи взял стоявшее на столе массивное пресс-папье, тщательно промокнул чернила и передал бланк чиновнице. Та, не выказав ни малейших признаков удивления, достала из папки пустые визы и принялась заполнять. Одну за другой, одну за другой.

Берчи сидел ни жив ни мертв. На его глазах совершалось чудо, настоящее, невообразимое чудо, а он все никак не мог поверить, все ждал, когда, выписав визы, чиновница потребует деньги.

А та писала и писала, от усердия по-детски чуть высунув из уголка рта розовый кончик языка. Закончив работу, чиновница сложила визы стопкой и протянула Берчи.

– О времени отправления эшелона будет объявлено особо. Скорее всего, это произойдет на следующей неделе. Как вы понимаете, в случае опоздания на поезд визы аннулируются.

Последнее слово она произнесла со вкусом, сочно выделив два «н». Берчи тут же вспомнил о первом ее предупреждении и, взяв визы, стал сверять имена. Все было точно, кроме имени его матери, чиновница пропустила букву.

– Ошибка!

– Не может быть! – чиновница залилась алым румянцем, удивительно подходящим ее рыжим волосам. – Ой, точно!

Она подняла на Берчи глаза, и он невольно сжался от страха. Два колодца, наполненных черной водой, два манящих омота, две бездны. Он потряс головой, сбрасывая наваждение, и когда снова поглядел на чиновницу, увидел только слегка растерянный взгляд.

– Это ерунда, – сказала чиновница. – Никто не заметит.

– Но вы же сами предупредили – визу могут аннулировать. Выпишите другую, пожалуйста.

– Говорю вам – ерунда. Я не стану портить из-за этого бланк. Они все пронумерованы и подсчитаны.

– Сделайте что-нибудь, – попросил Берчи. – Неужели из-за бланка мою мать высадят из поезда?

– Ладно, давайте я исправлю, – протянула руку чиновница. – Вытру имя, вы не против?

«Как можно вытереть надпись, сделанную чернилами?» – удивился про себя Берчи, но тут же согласился и подал визу матери.

– Конечно, конечно, не портить же бланк.

Чиновница вытащила откуда-то толстый черный ластик, жадно, словно перед едой, облизнула губы и несколькими движениями начисто стерла имя матери Берчи. Затем обмакнула перо в чернила, написала его заново, промокнула надпись пресс-папье и вернула визу Берчи.

– Вот, и волки сыты, и овцы почти все целы.

Берчи непонимающе посмотрел на чиновницу.

– Волков ведь тоже надо подкармливать, – объяснила она.

– Извините, я не понимаю. О каких волках идет речь? – недоуменно спросил Берчи.

– Неважно. Счастливого пути.

В день отправки эшелона с утра зарядил дождь. Пока загрузились в вагоны, основательно промокли и, пытаясь согреться, сидели на скамейках тесно прижавшись друг к другу. Берчи ждал подвоха до последней минуты, ему все казалось, что вот-вот в вагон ворвутся представители юденрата и вытащат обратно под холодный дождь всю его семью, обманом получившую визы. Но паровоз загудел, вагоны дернулись, и черный мокрый перрон за стеклом, исполосованным быстрыми струйками, медленно стал уплывать в сторону.

Спустя полгода мытарств и лишений семья Фогель прибыла в Тель-Авив и поселилась в маленькой квартирке на шумной улице Шенкин. На следующий день Берчи поехал в Бней-Брак, навесить ребе Аарона. Служка наотрез отказался пропустить к ребе незваного гостя.

– Цадик сегодня не принимает, – заученно повторял он, не глядя на Берчи. – Приезжайте в четверг после полудня.

– Передайте ребе Аарону, что его хочет видеть меламед Фогель из Будапешта.

– Цадик сегодня не принимает, – но тут дверь кабинета открылась, и на пороге возник ребе Аарон собственной персоной.

– Берчи! – воскликнул он. – Когда вы приехали?

Разговор получился длинным. Ребе расспрашивал о Будапеште, о том, как Берчи удалось получить визы, о длинном пути через Швейцарию и Турцию и о том, чем собирается Берчи заняться на Святой земле.

– В Бней-Браке не хватает хороших меламедов для еврейских детей, – сказал ребе в конце беседы. – Я напишу записку директору школы, он возьмет тебя на работу.

– Ребе, – наконец решился Берчи, – чиновница в юденрате – это пророк Элияу или ангел, которого вы послали?

– Какая тебе разница? – устало ответил ребе Аарон. – Главное, что вам удалось вырваться из этого ужаса.

Он помолчал немного и добавил:

– Надеюсь, я больше не твой должник, Берчи?

– Конечно! – вскричал меламед. – Это я ваш должник, ребе! Я и мои родители, и моя жена, и мои дети. Все мы перед вами в неоплатном долгу до самого конца жизни.

– Не надо говорить об этом, – прервал его ребе протестующим движением руки. – Никто не знает, где он, этот конец, и когда может наступить.

Прошло около года. Мать Берче сильно заболела. Она и раньше не могла похвалиться отменным здоровьем, а события последних лет могли расшатать самый крепкий организм. Ее госпитализировали, но больничный уход не помог, матери становилось хуже с каждым днем. Берчи и его жена по очереди дежурили у постели больной.

В ту ночь была очередь Берчи. После приема лекарств мать заснула, а он еще долго читал псалмы, сидя в неудобном кресле, со спинкой и сиденьем, обитыми липким от старости кожным телом. Постепенно глаза начали слипаться, Берчи закрыл книжку и поплыл, мягко закружился на волне сновидения.

Очнулся он от стука. Цокая каблучками, в палату вошла женщина в белом халате со шприцем в руках и направилась к постели больной. Берчи обомлел: это была она, та самая чиновница из юденрата.

– Простите, – еле выдавил он, – но как вы попали в больницу? Разве вы врач?

– Теперь я сестра милосердия, – произнесла чиновница хорошо знакомым Берчи холодным тоном. – Сейчас я сделаю укол вашей матери, и ей сразу полегчает.

Она склонилась над больной, умело воткнула иглу, быстро выдавила содержимое в вену и, вытащив шприц, двинулась к выходу.

– Простите, но простите же! – вскричал Берчи. – Я хочу с вами поговорить.

– Завтра, – ответила чиновница. – Поговорим завтра.

Берчи хотел встать, но его одолела дремота, голова сама собой опустилась на грудь, и он мгновенно заснул.

Его разбудил шум. Две сестры закрывали постель матери белой ширмой. Из-за их спин он увидел безжизненно свисавшую руку с посиневшей кожей и все понял.

– Кто ночью ставил матери укол? – спросил он у старшей медсестры, когда тело, накрытое простыней, увезли на каталке.

– Никто. Ночью уколы делают только по особому предписанию. А такого не было.

– Но я сам видел медсестру! – возразил Берче. – Я даже с ней разговаривал. Рыжая такая, лет тридцати, с короткой стрижкой.

– У нас нет таких сотрудниц, – отрицательно покачала головой старшая медсестра. – Вы устали, заснули в кресле, вот и привиделось. Я очень вам сочувствую и понимаю ваше состояние. Давайте примем успокоительное.

Берчи наотрез отказался и вышел из отделения. Все формальности прошли на удивление просто, представитель «Хевра кадиша», похоронной конторы, сидел в кабинете на первом этаже больницы. Похороны назначили на вторую половину дня, ждать было некого – кроме Берчи и его семьи, все родственники матери остались в Венгрии.

На кладбище перед началом церемонии его пригласили опознать тело.

– Женщина из нашего похоронного братства провела процедуру очищения по всем законам, – объяснил похоронщик в черной шляпе и с белыми пятнами соли от высохшего пота на воротнике и лацканах черного пиджака. – Сегодня, к сожалению, мы хороним не только вашу мать, поэтому будет правильно, если вы лично убедитесь...

– Да-да, разумеется, – Берче направился к входу в барак, на который указал ему похоронщик. Там было сумрачно и прохладно, каталка с телом, закрытым белой тканью, стояла на бетонном полу возле стены. Берчи подошел, откинул ткань, увидел лицо матери с открытым ртом, забитым ватой, и с содроганием тут же опустил ткань.

Сзади послышался перестук каблучков, и знакомый голос произнес:

– Она?

Берчи резко обернулся. Чиновница будапештского юденрата, на сей раз одетая в черный халат, стояла перед ним.

– Кто ты? – хриплым шепотом спросил Берчи. – Кто ты?

– Какая тебе разница? – устало ответила чиновница. – Это твоя мать или нет?

– Моя.

Чиновница жадно облизнула губы, повернулась, быстро пересекла барак, распахнула дверь в подсобку и скрылась. Берчи рванулся следом, но тут в барак вошел похоронщик.

– Что-нибудь не так? – спросил он. – Это не ваша мать?

– Да нет, моя,

– Тогда начнем.

Похоронщик ухватился за деревянные, отполированные множеством прикосновений ручки и потащил каталку из барака. Берчи ничего не оставалось, как идти за ним.

Сразу после кадиша над свежей могилой он поспешил в барак, хотя знал, что чиновницу там не застанет. Вместо нее на звук открываемой двери из подсобки вышла полная, неряшливо одетая женщина с седыми волосами, выбивавшимися из-под криво повязанной косынки.

– А где ваша напарница? – спросил Берчи.

Женщина взглянула на него с плохо скрываемым испугом.

– Нет у меня напарницы. Я одна работаю.

– Ну как же нет? – настаивал Берчи. – Я вместе с ней всего полчаса назад проводил опознание тела моей матери. Рыженькая такая, с веснушками.

– Нет тут никакой рыженькой, – отрезала женщина и ушла в подсобку.

Берчи вышел из барака и сразу наткнулся на похоронщика.

– Странная история, – схватил его за рукав Берчи. – Объясните мне, что происходит.

Похоронщик внимательно выслушал и вздохнул.

– Значит, вы ее видели?

– Так вы знаете, кто она? – воскликнул Берчи. Наконец-то нашелся человек, который может рассеять туман, воцарившийся в его голове.

– Мы не знаем, – ответил похоронщик. – И никто не знает. Иногда эта рыжая дама идет у всех на виду перед похоронной процессией, иногда держится сзади. Иногда, как у вас, встречает родственников умерших во время опознания. Никому не удается ни прикоснуться к ней, ни заговорить.

– Но я разговаривал с ней уже в третий раз!

– В третий раз? – удивленно воскликнул похоронщик. – Ну вам очень, очень повезло. Мы спрашивали больших раввинов, кто это

может быть. Точного ответа не получили, но многие предполагают, что это ангел смерти.

Берчи стало тяжело дышать. Желтое безумное солнце Средиземноморья ударило в глаза. Он вспомнил, как чиновница попросила его согласия стереть имя матери, и как он легкомысленно передал ей визу, и с какой жадностью та облизала губы, прежде чем взяться за черный ластик. Берче охнул, и чтобы не упасть, привалился спиной к стене барака.

Израиль

